

ВАЛЕНТИН ГОЛУБЕВ

...И В ЭТИХ, И В ТЕХ ВРЕМЕНАХ...

* * *

Памяти Наташи

Вроде и были обычно парой,
даже банальной: к цветочку цветочек...
Сыплются зёрна из книги амбарной,
и многоточьем строка кровотоцит.

Зёрнышки памяти... Выбросить жаль их,
знать бы, в какую посеять их почву...
Нам не сиять на небесных скрижалях,
почестью зряшной гордыню не потчуй!

Лес за межой, где в любви поклялись мы
в лежище лешего с крышей из дранки,
где колесили по осени лисы,
сквозь январь продирались подранки.

ГОЛУБЕВ Валентин Павлович родился 25 ноября 1948 года в посёлке Сосновая Поляна под Ленинградом. Учился в Ленинградском университете (ЛГУ). Автор книг стихотворений “Праздник” (1976), “От весны до весны” (1985), “На чёрный день” (1990), “Русская рулетка” (1998), “Жизнь коротка” (2002), “Памятка” (2004), “Возвращение домой” (2013), “Сильных не жалко” (2018) и др. Лауреат первых премий “Ладога” им. А. Прокофьева, им. св. князя Александра Невского, им. А. К. Толстого. Награждён серебряной медалью князя Александра Невского, медалью “За заслуги перед отечественной культурой” и другими наградами. Член Союза писателей России с 1990 года. Живёт в г. Санкт-Петербурге.

Был нам в подарок и тварный, и птичий
мир, где сорочьи и беличьи стаи.
Лишь иногда голоса электричек
нас окликали, потом поотстали.

Дом наш и сад поминаем всё жальче...
Полно! Нас ждёт ещё радость — не кара!
Дверь распахнётся, и выпрыгнет “зайчик”
вместе со вспышкой последнего кадра.

ЧАСЫ

Светлане Молевой

Как ты оглянулась!
Нечаянный взгляд твой пронзительно долог.
Уходит не время, мы сами уходим.
Часы — только повод.
В небесных курантах
гремит петербургское наше “12”.
Уже не спешим, просто время торопит.
Не в силах расстаться,
идём по Расстанной.
Нам под ноги осени медные деньги,
в окладе серебряном зимние фрески...
С последней ступеньки
мне машешь рукою.
В глазах твоих — зябкие белые птицы
проносятся мимо.
Неужто забыла? Успеть бы проститься...
Меж цифрами — прочерк.
За стрелкой секундной — последнее слово.
Часы на Разъезжей...
Часы на Фонтанке...
Часы на Садовой...

* * *

Храмов и святынь не пожалев,
взвихрив гарь в просторище великом,
каиновы дети, ошалев,
будут упиваться русским лихом.

Путь мостя костями до зимних руд,
чтоб добыть для домен адских пищу,
даже с нищих подать соберут,
выживших сочтут и перепишут.

По юдолям дьявольских утех
ложь, как лошадь, проведут хромоу,
мучеников царственных — и тех
злом ошеломят и ошельмуют.

Может быть, весь этот бесприют
принесла, упав, звезда Галлея?
И мальчишке ноги перебьют,
праведной души не одолея.

Даже в безысходстве выход есть!
В святотатстве житье-бытье тошно.
И взошли священники на Крест
первыми, как пастырям и должно.

Те года, — потомок, не робей, —
лишь в душе аукнутся-вернутся,
памятку оставят по себе —
мёртвые в гробах перевернутся.

ОСЕННЯЯ ПТИЦА

Только дашь слабину вдруг из детства нахлынувшим снам,
только с птицей осенней попробуешь договориться,
возмечтаешь: потешусь и в этих, и в тех временах,
из-за речки кричат:

— Что ты медлишь? Подумаешь, птица...

Запуржила листва, так, что к небу листочек прилип —
лунный серпик ущербный,

и звёзды, набрякнув, осели.

Вёсла вязнут в воде, из уключины выпорхнул всхлип,
будто кто-то позвал меня голосом птицы осенней.

Выцвел праздник, на крыше резной петушок заскучал.
И судьба обвенчала развенчанных — будет им венчик.
Помнишь: в белой рубахе мальчишка спешил на причал,
и за пазухой птица свистела, тогда ещё птенчик.